

ГИМНАСТЕРКА БАБУШКИ КЛАВЫ

Новый век принес и приносит немало перемен. В том числе и в укладе нашей жизни. У нас есть хлеб и к хлебу, улицы городов «под пробку» запружены инопарками, в квартирах и домах все больше современной бытовой техники, а сами они становятся все просторнее и благоустроеннее... Но, помимо материальной составляющей, устой любого общества, как мы знаем, и лежат и духовные, нравственные начала. И уже настала пора, когда надо думать не о минимуме нравственности, характерном для доперестроечного и постперестроечного периодов. Сегодняшний социально-психологический климат в обществе позволяет предъявлять ему к своим членам более высокие требования, в полный голос говорить о духовности и морали как о важнейших критериях оценки личности и ее дела. Говорить обо всем, что так или иначе составляет обиденную, будничную канву нашей жизни, но которая порой сплетается в такие запутанные и неожиданные клубки человеческих взаимоотношений, что только диву даешься.

Об этом и наша рубрика «Нечастные истории...». Это истории о чести и честности; о патриотизме и долге; о памяти и беспамятстве; о верности и предательстве; о сострадании и милосердии; о мучительно-болезненном поиске своего внутреннего «я» и умении в любой обстановке оставаться самими собой; об экстремальных ситуациях, в которые попадают герои и антигерои публикаций; о конфликтах, острота которых не притуляется с годами; о причинах и последствиях драматических излобов человеческих судеб...

Все это относится именно к частному – личному, неофициальному, так почему истории нечастные? Ритм жизни с каждым годом ускоряется, человеческие отношения усложняются, становятся все более хрупкими, ибо в наш технократический век ответственность индивида перед обществом, да что перед обществом – перед группой людей, коллективом, возрастает. К сожалению, выражение «человеческий фактор» стало расхожим штампом, но за ним – суровые реалии сегодняшнего дня. Так что истоки, причины, последствия любых частных историй в той или иной мере, помимо личностных мотивов и черт характера, либо проистекают из существующих в обществе правил игры, либо влияют на их совершенствование. И потому они отнюдь не частные. Конечно, это не касается личной жизни. Подглядывание в замочную скважину непозволительно никому. Повторимся: наш интерес к личному начнется и завершится на одной и той же отметке, которая тем или иным образом будет связана с социально-психологическим, нравственно-идеологическим климатом в стране.

Николай КЕРНОГА,
журналист, лауреат Государственной
премии Республики Беларусь

КОФТОЧКА «ПОД ФИРМУ»

Клавдия Антоновна – в нашем дворе все называли ее бабушкой Клавой – беспрестанно была в хлопотах. То бежала с полной авоськой из магазина, то развешивала хлопающее на ветру белье, то гуляла с младшей внучкой... И только раз в году, 9 Мая, оставляла домашние заботы. Утром надевала оставшиеся после войны гимнастерку и юбку, кирзовые сапоги и с букетиком алых гвоздик спешила на площадь Победы. К вечеру, тоже в военной форме, при орденах и медалях, сидела на скамеечке у подъезда, задумчиво глядя на играющих во дворе ребятишек.

В тот День Победы, впервые за много лет, бабушка Клава не была на площади. Вечером вышла посидеть на скамеечке, но не в форме, а в стареньком жакете. Была непривычно грустна. А когда сумеречное небо расчертил фейерверк праздничного салюта, вдруг разрыдалась. Ее стали утешать, но безуспешно. До этого плачущую бабушку Клаву никогда не видели, и слезы ее объяснили воспоминаниями о тяжелой фронтовой поре. Но позже она рассказала, что это было не так.

В то утро напекла пирогов с брусничным вареньем – Рита, старшая внучка, их обожала. Потом хотела переодеться. Но гимнастерки и юбки в шкафу не было, хотя три дня назад сама повесила их туда. Бабушка Клава непонимающе глядела на пустые плечики, когда в комнату вошла Рита.

– Ой, бабуля, я и забыла тебе сказать. Я взяла твою военную форму. Мне портниха сошьет из нее кофточку.

– Какую кофточку, о чем ты говоришь?

– Ну, знаешь, вот такую. – Рита сделала несколько движений руками. – «Под фирму...»

– Ты пошутила, Риточка, принеси гимнастерку и юбку, а то опоздаю.

– Бабуля, ты смотришь на меня так, будто первый раз видишь. Ты расстроилась, да? Из-за этой старой тряпки? Пожалела ее для меня, да? Ну ладно, не хочешь отвечать, не надо. Я побежала...

– Постой, а где же ордена и медали?

– В углу...

Только тут бабушка Клава увидела: все ее награды навалом лежали в углу шкафа. Она схватилась за сердце и опустилась на стул...

Рассказав мне об этом, Клавдия Антоновна задала в конце вопрос, ответ на который искала и не находила:

– Ну почему, почему она сделала это? Ведь для меня военная форма не просто одежда, не просто вещь... Я всегда думала, что Риточка понимает это. Выходит, я ошибалась?..

Риту тоже все знали в нашем дворе. По модным и экстравагантным нарядам. Ни родители-инженеры, ни бабушка-пензионерка ничего не жалели для нее. Окончив школу, она пыталась поступить в институт иностранных языков, да срезалась на первом же экзамене. Устроилась в швейное ателье ученицей, но проработала там меньше месяца – не понравилось.

Вскоре я встретил Риту в коридоре отдела кадров тракторного завода. На ней была перешитая из бабушкиной гимнастерки кофточка «под фирму».

– Что, нравится? – спросила, заметив мой пристальный взгляд.

– Нет. Грубо, аляповато...

– А другим нравится, – нахмурилась Рита.

– Вы сильно обидели бабушку.

– А... Вот вы о чем. Нажаловалась, значит, бабуля на любимую внучку. Ну взяла без спроса. Ну и что? Преступление совершила, да? Подумаешь... Лучше бы помогли устроиться на завод... – Она пренебрежительно передернула плечами и переменяла тему, заговорив о том, что приходит сюда не первый раз и было бы хорошо помочь ей с устройством на работу.

Здание отдела кадров – возле заводской площадки. А на ней – трактор на постаменте. Я спросил у Риты, что это за трактор, за какие такие заслуги поставили его на пьедестал.

– А мне-то зачем знать? – удивленно хлопнула наклеенными ресницами, крутнулась на высоких каблуках, и меня словно пригвоздили к месту: во всю спину кофточки «под фирму» полосато зазвездился американский флаг.

В конце войны гвардии старший сержант Клавдия Денисенко была ранена в спину. Ды-

рочку от пули она заштопала, и гимнастерка от этого ничуть не стала хуже. Иначе считала Рита, не только штюпку, но и всю спину закрыв флагом иностранной державы.

Разнообразные вещи окружают человека с колыбели до самой смерти. И взаимоотношения с ними непросты. Непросты потому, что человек создает вещи, он же ими и пользуется. Не влияет ли обилие вещей на наши чувства? Не становятся ли они беднее? Как надо относиться к вещам? Чем определяется их ценность – материальной сущностью или содержанием? Никто не против, чтобы их было больше. У каждого. Но стоит ли относиться к ним так, что даже реликвия становится вещью? Просто вещью, ценность которой определяется ее утилитарным назначением, а не тем, что она – знак, образ, память о том, что было для нас или наших близких самым значительным и незабываемым. Что передается из поколения в поколение. И это не просто механическая передача из рук в руки.

Конечно, любая семейная реликвия и, скажем, трактор на постаменте у проходной Минского тракторного завода (реликвия и предприятия, и города, и страны) – разные величины. Однако назначение у них одно – напоминать о прошлом, взывать к нашей памяти, к нашим чувствам.

И если общество – это миллионы людей с общим историческим и культурным наследием, то все важно в этом наследии – что касается всех и что касается каждого. Не нами сказано: не видя части, не увидишь целого, не научившись любить малое, не будешь любить большое.

В отдел кадров тракторного завода, где мы встретились с Ритой, я пришел, чтобы узнать, в каком цехе работает Дмитрий Петров, рослый широкоплечий блондин. Мы познакомились на площади Победы.

Я люблю бывать здесь. Прихожу к Вечному огню в праздники и будни, в хорошее настроение и когда взгрустнется. Тут особенно понимаешь истинную ценность вечного и преходящего. Тут стоят молча – зачем слова? Говорить должно сердце... Стоит седой ветеран с орденскими планками на груди... Девушка в брючном костюме... Интеллигентного вида мужчина с портфелем...

А вот и свадебный кортеж. Молодые возложили к Вечному огню цветы, сфотографировались. Пошли к машинам. Вдруг от радостно-возбужденной толпы отделился парень, захлопал по карманам, побежал назад и от Вечного огня... прикурил сигарету. В суматохе о нем, видно, забыли – машины уехали. Тогда-то мы и познакомились. Я подумал, что парень пьян, потому и решился на такое. Нет, Петров был трезвым. Назвал свою фамилию, завод, на котором работает. В том, что прикурил от Вечного огня, «ничего такого» не видит, но спорить ему со мной некогда. Уже на ходу бросил:

– Приезжайте на завод, там и поговорим...
Увы, среди Петровых, которые трудятся на тракторном, моего знакомого не оказалось. Хочется думать: соврал потому, что устыдился.

Не знаю, есть ли в семье «Петрова» реликвия, связанная с войной. А если даже и есть, то никакого следа в его жизни она не оставила. Парень не почувствовал трепета души перед Вечным огнем, перед памятью павших. И в этом напомнил мне Риту. Оба они лишены умения, как выразилась бабушка Клава, видеть сердцем.

– Мне ведь не гимнастерки жалко, бог с ней, есть что надеть и в праздники, и в будни, – говорила она. – О другом я... Риточку проглядела. Не могу припомнить, чтобы когда-либо рассказывала ей о своем прошлом, о подругах-фронтовичках. С некоторыми переписываюсь до сих пор. Хорошие письма шлют мне, но ни одно не показывала Риточке. Все оберегала ее, все думала, что не надо загружать ребенка, – ей и в школу, и в музыкальную, и к подружкам сбегать надо. Да и считала, что ни к чему знать ей, какой тяжелой была наша военная юность. Дооберегалась, что забыла о душе девочки. А теперь я так скажу: душа начинается с памяти. Память делает человека человеком, дает ему умение видеть сердцем, не резать по живому, не причинять боль другим... На памяти стоит мораль...

Можно добавить: мораль и личности, и общества. Лишите человека и общество памяти, и их нравственные устои рухнут. А прикоснуться к памяти и, значит, к истории общества можно по-разному. В том числе и через

историю своего рода, через знание судеб близких людей. Вроде бы азбучные истины, но бабушка Клава пришла к ним не сразу.

МЕСТЬ РИТЫ

Реликвия и память – два эти слова нельзя ни разделить, ни противопоставить друг другу. Реликвии делают нас добрее и лучше не сами по себе, а через нашу память о них, о связанных с ними людях и событиях. Эта мысль и стала главной в напечатанном в одной из центральных газет бывшего Союза очерке об этой истории. На публикацию пришло более ста откликов.

«Откликнулась» и Рита. Спустя месяц ко мне пришел наш участковый. Ночью во дворе раздели «жигуленок». Орудовали двое, третий стоял на стреме. Так вот, по свидетельству очевидцев, приметы этого мужчины – рост, куртка, фуражка, папка в руках – указывают на... меня.

– И кто же эти очевидцы?

– Девушка со второго этажа. Ей не спалось, она вышла на кухню поставить чайник, выглянула в окно...

– Уж не Рита ли?

Мы оба посмеялись над ее детской мстостью. А вскоре я переехал в новую квартиру. Но, следуя правилу поддерживать контакты с героями и антигероями своих публикаций, иногда звонил Клавдии Антоновне. Рита ушла и с тракторного, почти год нигде не работала, затем поступила в финансовый техникум. Вышла замуж, но вскоре развелась, одна растит дочку.

После смерти Клавдии Антоновны – в последний путь ее провожало множество людей – связь с этой семьей прервалась. И я думал, что никогда не услышу о Рите. Но верно говорят: человек лишь предполагает...

ОЖЕРЕЛЬЕ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ

Во двор нашего дома машины буквально вползают – так он мал, к тому же с двумя крутыми поворотами. Однако несколько лет назад это правило было нарушено. Сначала во двор со скоростью порядка полста километров влетал «жигуленок», затем его сменил «мустанг»,

потом вместо помятого «мустанга» появился сверкающий позолотой «лексус». Машины с душераздирающим визгом тормозили прямо у крыльца, пугая сидящих на скамейке старушек. Первым из авто выходил лохматый рыжеволосый веснушчатый парень, следом выпрыгивала стайка девушек с ногами от ушей. Компания, увешанная разноцветными пакетами, весело хохоча, скрывалась в подъезде.

Бабушкина почта вскоре донесла: парня зовут Леон. Он богат, у него больше десяти магазинов на рынках города. Холостяк. Родители живут во Франции.

Познакомились мы спустя месяц. Мою «девятку» разбил лихач на многотонной фуру. Леон, проникнувшись, очевидно, сочувствием к безлошадному соседу, стал изредка подвозить меня на работу. На самом деле звали его Леня (фамилию не называю потому, что не успел получить согласия на публикацию, – он выехал из страны). Родом из Глуска, там его мать. Отец бросил их, еще в советские времена уехал во Францию, в город Бордо, где женился на женщине, которая владеет большим химическим предприятием. Леня каждое лето ездил в Бордо, прекрасно изучил французский. После окончания строительного техникума не стал учиться дальше, хотя мать, учительница, очень просила. Занялся бизнесом. Стартовый капитал дал отец.

Как-то, подвозя меня к зданию агентства, вдруг попросил:

– Как я успел заметить, в БЕЛТА очень много красивых женщин. А у них ведь и дочери есть. Вот бы вы нашли среди них невесту.

– Для кого?

– Для меня.

– А ваши длинноногие красавицы?

– То красавицы для развлечений. А мне жена нужна...

Признаюсь, я уже начал переговоры с коллегой, у которой дочь на выданье. И вдруг узнаю: Леон женился. Притом женился на женщине, которая, как утверждала бабушкина почта, старше его на десяток с лишним лет. Якобы была она ревизором, при

проверке обнаружила у Леона нарушения, которые тянули на уголовное дело. Якобы женитьба и стала платой за то, что нарушения не дошли до правоохранительных органов. Сразу после этого он переехал в новый дом, построенный поблизости от Комаровского рынка явно для «новых белорусов».

Однажды, возвращаясь вечером домой, я заметил в подъезде одиноко стоявшую женщину. Была она в красивом вечернем платье. Но не это привлекло мое внимание – на шее у нее сверкало драгоценными камнями ожерелье оригинальной формы. Похожее мне показывала когда-то бабушка Клава – оно передавалось в семье по женской линии из поколения в поколение. А изначально принадлежало графине Потоцкой. Прабабушка Клавдии Антоновны служила у нее горничной, за безупречную работу и была вознаграждена ожерельем.

Я уже миновал источавшую аромат явно не отечественного парфюма даму, как услышал: – Не узнали, товарищ корреспондент? Или вы сейчас господин корреспондент?

Только сейчас я взглянул на лицо женщины. Надменный поворот головы, колючий взгляд, пренебрежительная складка у губ...

Мне это ничто не напоминало.

– Не имею чести...

– Имеете. Еще как имеете. Это вы, – и она протянула в моем направлении униженный крупным перстнем палец, – это вы пытались меня...

Но тут послышались шаги – с лестницы спускался мужчина, и дама умолкла. На мужчине была тройка, светло-голубая сорочка с модным тупым воротником, бордовая в серебристую полоску галстук... Очки в золотой оправе, строгая прическа с пробором... Леон был принципиальным сторонником свитеров, которые напоминали бесформенные мешки, и противником расчесок-причесок, и у него отличное зрение. Тем не менее это был он.

Протягивая мне руку, сказал:

– Знакомься, Рита, это...

– Мы знакомы. Давно. И пообщаться уже успели. Кстати, надо торопиться, опаздываем...

– Да, да... Собрались вот на прием во французское посольство. А я к Михалычу забегал, но он, сказали домашние, вышел. Случайно не знаете куда?

Я мотнул головой, не в силах от удивления произнести что-либо вразумительное.

Больше я с Леоном не встречался. Лично не встречался. А вот видеть его видел – по телевизору. В новостях показывали победившего на президентских выборах Саркози в окружении своих сторонников. Был среди них и рослый рыжеволосый парень в свитере. «Ну копия Леона», – подумалось тогда. Но мало ли похожих людей...

А вскоре мне позвонила Рита, назвав при этом себя Маргаритой Алексеевной, попросила встретиться.

И вот мы сидим на скамейке в сквере. Куда подевались надменность, колючий взгляд, пренебрежительность к собеседнику? У нее усталое лицо, потухшие глаза, но голос напористый, без пауз и промежутков выстреливающий фразу за фразой. Словно она боялась, что я ее остановлю, и она не успеет досказать что-то важное.

Услышанное мало удивило меня. Полтора года назад Леон продал свой бизнес, уехал во Францию и не вернулся. А в начале июня погостить к нему подалась Виктория – дочь Риты от первого брака, студентка. Она должна была возвратиться к началу занятий. Не возвратилась. А в середине сентября Рита получила письмо от Виктории. Дочь писала, что любит Леона, а он любит ее, что они хотя бы пожениться, зарегистрировать брак в соответствии с французским законодательством. В конверте были фотографии: Леон в темно-синей тройке и Виктория в красивом платье, с ожерельем на шее. В конце письма была приписка: мол, ожерелье передается по женской линии, а Виктория у нее единственная дочь, потому и взяла его.

– Каковы мерзавцы... За моей спиной сговорились... За спиной жены и матери... А ведь я могу засадить его за решетку. Он мошенничал, недоплачивал налоги. Мое заявление – и Интерпол его мигом разыщет. Но если я ему об этом напишу, он мне не поверит. А вот вам поверит. Прошу, умоляю – напишите ему. Я дам адрес. Напишите: если

он не одумается, не вернется – ему грозит тюрьма.

– А когда был оформлен развод?

– Мы не регистрировались, жили в гражданском браке. У нас была любовь. Я уверена, он любит меня и сегодня. Это Виктория задурила ему голову. Вы, мужики, все падки на молоденьких. Напишите ему...

У меня возникло ощущение, что Маргарита Алексеевна слегка не в себе, неадекватно оценивает ситуацию. Она полностью переключилась на Викторию, всякими словами кляня ее за то, что соблазнила Леона, что украла ожерелье, что скрытничала и вообще вела себя по отношению к матери подло...

Я смотрел на брошенную любимым мужчиной женщину, нисколько не узнавая в ней красавицу и гордячку Риту.

Я слушал мать, которую вероломно и жестоко обманула родная дочь.

Я слушал несчастную женщину, к которой судьба внезапно повернулась не лучшей стороной.

Я слушал ее, а память рисовала давнюю картину: шкаф с аккуратно развешанной одеждой, пустые плечики, на которых еще недавно висела фронтовая гимнастерка бабушки Клавы, брошенные в угол ордена и медали и растерянно взирающую на все это сухонькую старушку с опрокинутым лицом...

